

УДК 821.161.1.09-312.6

DOI 10.25688/2076-913X.2020.38.2.04

Н.С. Степанова

**«Золото природы»
в автобиографической тетралогии
Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба»:
к вопросу об истинных и мнимых ценностях
в художественном мире писателя**

Статья посвящена изучению лексических и семантических особенностей концептуальной зоны «золото природы» в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба», определению специфики ее репрезентации при создании образа мира и человека в нем. Рассмотрение вопроса об истинных и мнимых ценностях актуализирует аксиологический аспект постижения художественного текста, позволяет сделать вывод о том, что в мироощущении писателя «золото природы» репрезентирует восхищение красотой Божьего мира, силу живой любви к России.

Ключевые слова: Б.К. Зайцев; «Путешествие Глеба»; «золото природы»; автобиографическая проза; литература первой волны русской эмиграции.

Один из устойчивых художественных образов, сопровождающих человека на протяжении его истории, — «золото» и обозначаемые им качества, присущие этому благородному металлу. Золото — «это мифопоэтический объект, для которого характерны эстетическая отмеченность, сакральность» [11, с. 82]. Богатая метафоризация понятия «золото» в фольклорной и литературной традициях связана с особенностями его культурно-исторического бытования и требует внимательного отношения, поскольку за ним «лежит далекая историко-психологическая перспектива, накопление метафор, сравнений и отвлечений, целая история вкуса и стиля в его эволюции от идей полезного и желаемого до выделения понятия прекрасного» [2, с. 59].

В автобиографической тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» ключевыми лексемами-репрезентантами концепта «золото» различной частеречной принадлежности являются прилагательное *золотой* (более 55 примеров) и существительное *золото* (20 примеров), а также *злато*, *золотко*, *золотистый*, *златистый*, *золотисто*, *золотить*, *золотеющий*, *золотевший*, *златоглавый*, *позлащенный* и др. Неповторимое своеобразие придают тексту авторские эпитеты, передающие не только оттенки цвета, но и нюансы впечатлений: *бело-золотистый* (куст жасмина), *пестро-золотые* (солнечные пятна на скатерти), *бархатно-золотая*, *атласно-златистая* (подоплека-подкладка боровиков), *золотисто-голубоватая* («отдушина», конец аллеи), *красновато-золотистый*

(отсвет печки), *торжественно-золотоносно* (разметался закат), *краснозолотое* (солнце), *прозрачно-золотеющий* (зеленоватый вечер), *зеленовато-золотистые* (струи лета), *слабо-златистые* (слегка зеленеющие тени), *нежно-златистый* (в светлом дыму силуэт церкви), *стеклянно-златистое* (прозрачное небо), *синеvато-златистая* (плывущая по мху светотень), *желто-златистое* (одеяло), *златисто-зеленоватая* (прозрачность Венеры), *кристально-златистый* (вечер) и др. Такая высокая частотность употребления лексем-репрезентантов свидетельствует о роли и месте концепта «золото» в индивидуально-авторской картине мира.

В смысловое поле художественного концепта «золото» в автобиографической тетралогии Б.К. Зайцева входят следующие основные концептуальные зоны:

– «золото — благородный / драгоценный металл» — *золотое кольцо, золотые очки, серьги, часики; слиток золота, золотой империял; золотое шитье мундиров, золотые вензеля, золотая инкрустация;*

– «устойчивые выражения с компонентами “золото”, “золотой”» — *золотое дно; Марфуша — золото; золотко* (фамильярное ласковое обращение);

– «золотой как цвет / оттенок цвета» — *золотисто-голубоватая, золотистая* (влага), *златистый* (воздух), *красновато-золотистый;*

– «золото / золотой как обозначение света солнца, луны, звезд» — *золото солнца, золото звезд, золото погожего лета; небо, слегка золотеющее к луне;*

– «золото / золотой как символ православия или цвет / деталь описания церковных атрибутов» — *золотая риза; золотые кресты, купола, нежно-златистый силуэт церкви, золотой наперсный крест;*

– «золотой — огненный, цвета огня, пламени» — *золотые искры, золото свечей, золото печки, золото пламени, золотистые огоньки;*

– «золото природы» — *золото березовых листиков, золото молний, бело-золотистый куст жасмина, золотистая куриная слепота* и др.

Настоящее исследование посвящено концептуальной зоне «золото природы».

Само словосочетание «золото природы» в тексте встречается один раз: «Вся комната с венецианским окном, сушившейся рожью, налилась золотом успокоившейся природы и для последнего ее торжества в неведомых небесных изменениях вдруг восстала ярчайшая радуга» [1, с. 159], — а косвенно — неоднократно, например: «...московское солнце <...> в тот майский вечер окропило их из окон теплым и живым золотом — Господним» [1, с. 412].

Обращение к тексту «Путешествия Глеба» в очередной раз убеждает исследователя в том, что изучение форм присутствия природы в художественном мире Б.К. Зайцева невозможно без учета важнейшего качества его прозы — импрессионизма, который стал не только чертой стиля, но и методом, определенно связанным с мировоззрением писателя. В романах автобиографической тетралогии явственно проявилась та особенность стиля прозы Б.К. Зайцева, которую еще в 1907 г. А. Чеботаревская назвала «мягкой акварелью», и вслед за нею многие эмигрантские критики определяли как «акварельность».

Не отрицал этого и Б.К. Зайцев, который писал в автобиографическом очерке «О себе»: «Я начал с импрессионизма <...> Теперь, издали, так могу определить раннее свое писание: чисто-поэтическая стихия, избравшая формой не стихи, а прозу. (Поэтому и проза проникнута духом музыки. В то время меня нередко называли в печати “поэтом прозы”») [1, с. 587–588].

Импрессионизм как художественное течение начался когда-то с картины Клода Моне «Впечатление. Восходящее солнце». Отвечая на вопрос об истории создания картины, Моне говорил, что для него источником вдохновения был солнечный свет. По мнению художника слова, творчество тоже может быть «солнечным импрессионизмом», «солнечной свободой, изображением солнечной радости природы и жизни» [12, URL]. Читая прозу Б.К. Зайцева, погружаясь в его пейзажи, наполненные золотом солнца, убеждаешься в справедливости суждения о том, что взгляд на солнце может создать солнечный импрессионизм в литературе. «Светоносность импрессионистической лирики Зайцева — это, пожалуй, наиболее заметная ее черта, роднящая ее с полотнами Клода Моне, — пишет В.Т. Захарова. — Солнце — это, без преувеличения, один из главных героев многих вещей Зайцева, центральный образ повествования <...> В прозе Зайцева солнце словно вливает в душу человека свою животворящую силу, придает его мироощущению ликующую праздничность, приобщает к великой красоте земного бытия» [5, с. 11–10].

Как и художники-импрессионисты, Б.К. Зайцев создает свои солнечные пейзажи на пленэре, предмет изображения для него — «трепетный свет, воздух, в который как бы погружены люди и предметы, которым наполнено пространство и время; вибрация света и воздуха, их взаимосвязь в процессе непрерывных изменений и превращений» [10, с. 32]. Золотой солнечный свет находится в постоянном движении: «белая скатерть, самовар, стаканы, чашки — все в пестро-золотых солнечных пятнах, медленно зыблющихся», «набегающих», «захватывающих» [1, с. 27].

Лексемы «золотой», «золотистый», «золотить» появляются в сценах, насквозь пронизанных солнцем, солнечным светом, они связаны в интерьерах и пейзажах с освещенностью солнцем: «паркет золотисто сверкал в солнечном потоке», «солнце золотой полосой легло на рукав его куртки», «солнце передвинулось. Его благодать теплила и золотила...» [1, с. 107, 214–215] и др.; с положением, когда зритель находится против солнца и видит прозрачные субстанции, просвеченные солнцем: «в золотом облаке пыли отец укатил по устовской улице», «столбики комаров, тоже позлащенных, выплывали рядом с лошадьё», «солнце вечернее Москвы клонилось ниже. Теплота, золотая пыль в воздухе» [1, с. 31, 191, 407] и др.

«Золото полуденного солнца, — считал князь Трубецкой, — из цветов цвет и из чудес чудо. Все прочие краски находятся по отношению к нему в некотором подчинении и как бы образуют вокруг “чин”» [цит. по: 7, с. 110]. Солнечный свет в восприятии лирического героя тетралогии — овеществленный свет,

живая, текучая, осязаемая субстанция; он *льется, течет*: «свет изломом лег по креслу, золото потекло по стене», «золотой зной заливал чистый домик», «сквозь зелень их лилось золото погожего лета. Зеленовато-золотистые струи его ложились в комнату» [1, с. 133, 431, 474] и др.

Постоянный образно-художественный элемент произведений Б.К. Зайцева — вечерние пейзажи. Закатный пейзаж описывает «“переходное” состояние природы, поэтому отчетливо ощущается стремление писателя передать динамику, изменчивое, текучее состояние, запечатлеть ускользающую красоту и “фантазмагорию неба”» [10, с. 32], под которым равны все — и святые, и грешные: «Солнце опускалось за ним, нежно золотило все убожество строев, мастерских и в сквозных лучах сама пыль над заводом принимала оттенок волшебный»; «в невесомом полете ласточек, сиянии златистого воздуха, безмолвии, в тихом млении домов и садов под уходящим солнцем было что-то необычайное»; «солнце сияло, уже предвечернее, золотеющее в погожем после дождя дне»; «торжественно-покойно и прозрачно разливался вечереющий свет по полям русским, нежно-зеленым стекленело над снегом небо, иногда впадая в золотистый, у заката алеющий оттенок» [1, с. 190, 287, 377, 400] и др.

Повышенной выразительностью в тетралогии обладают синестетические описания, особые иносказания, образные выражения (тропы и стилистические фигуры), связанные с переносом значения в иную чувственную модальность, обусловленные синкретическим слиянием чувств. Как хорал *звучит* закат: «Закат пышно, торжественно-золотоносно разметался, торжественный хорал в небе звучал, и в самом этом исполнении было уже умирание — золото переходило в пурпур, пурпур гас понемногу, малиновел»; Глеб *слышит* сухой треск золота молний (напоминающий треск рвущейся материи): «Глеб стоял у окна, смотрел пред собою на тучу, во мгле тогда обнажавшуюся, когда дальние молнии раздирали ее сухим золотом»; золото летнего вечера *благоухает*: «золотой июльский вечер входил со двора — липа благоухала и слегка струилась листиками в предзакатном солнце» [1, с. 386, 372, 545] и др.

Солнечный свет способен подчеркнуть редкую, хрупкую, эфемерную красоту человеческого лица: «Он видел, как билась у ней нежная жилка на шее, завиток волос, мягко золотевший, очень легкий, почти его касался» [1, с. 365], — это трепет нежных, чистых чувств, которые Глеб испытывал к Лере в тот далекий весенний день, который оба они решили запомнить навсегда.

Следует отметить, что традиционный образ русской словесности — *золотая осень*, который связан с красками увядающей природы, Б.К. Зайцев почти не использует. В его прозе *золотой* во всей красе является *весна* — весна света, солнца, жизни, ведь «Глеб был юн, так был полон сил, тоски, непонятного ему самому напора, так сжигался огнем, которому и конца-края еще не видно было...» [1, с. 367]: «В конце мая выдался удивительный день, теплый, почти даже душный. Глеб отправился на озеро, в купальню. Вода, воздух показались ему обольстительными, тело блестело в брызгах, под золотом солнца»; «день

удивительный. Вчера бурлило, трепало, нынче все тихо, задумчиво, тепло, золотисто. Лера шла легко по дорожке, легко входя в музыку весны»; «солнце милой весны медленно, неотвратимо все перемещалось, все вело ковер свой золотой из окна по полу, ковер всползал к Глебу, нежно золотил руку его» [1, с. 200, 365, 367].

В памяти автобиографического героя-эмигранта все стихии природы отмечены золотом: небеса, луна, звезды, молнии, воздух: «Вот это, наконец, прекрасно — темно-синее небо, слегка золотеющее к луне, слабые звезды, тишина, прохлада, запах лесов, искрящиеся в лунном блеске струи»; «звезд было много. Вся чернота воды вокруг дробилась золотыми блестками и змейками»; «в ветвях огромная звезда золотым орденом сияла»; «мороз усилился. Луна зашла, небо темно-звездное — синева с золотом <...> Анна Сергеевна подняла руку, указала в небе златистое дубль-ве»; «молнии золотом ломали ее уже до земли, уже стреляло вдалеке, вспыхивало фосфорически-зеленоватым»; «справа дубы Салтыковской рощи, впереди, вокруг и над ним синяя ночь, синий свод в пестром золоте звезд»; «Венера в златисто-зеленоватой прозрачности клонилась к водам» [1, с. 105, 178, 181, 236–237, 250, 443, 497] и др.

Литературный пейзаж в тетралогии Б.К. Зайцева — красота родной природы, гармония взаимоотношений с ней лирического героя, ощущение душевной свободы, «чувство рая, которое являлось ему в Устах и которому недолго уже предстояло посещать душу», — символизирует навсегда утраченное, но желанное, райское, безгрешное бытие: «И вот пред тобой Божий мир! Вот он, тут!» [1, с. 72].

Истинно русское ощущение природы, которым наделен русский человек, нашло свое выражение в строении русской души, в комплексе чувств и переживаний, трагически обострившихся в изгнаннической памяти; природа стала «выражением онтологических универсалий, противопоставленных социальным катаклизмам» [4, с. 17]. Золотом окрашены картины родной природы: луга, которые «налились сочною травой. Шелковисто, мягкою волной, отливая иногда седоватым блеском, ходит она под ветром — сколько цветов! золотистой куриной слепоты, кроваво-липкой зари, красно-синих звоночников»; жасмин, расцветший под окнами «белыми с золотом цветами» «в такой роскоши бело-золотистого оперения, в каплях сияющих, светоносных»; грибы «с бархатно-золотой подоплекой-подкладкой»; осенние листья — «огненные листы клена в саду, мелкое золото березовых листиков» [1, с. 29]. «В таком искании созвучий, искании человека в природе, — писал А.Н. Веселовский, — есть нечто страстное, патетическое, что характеризует поэта, характеризовало, при разных формах выражения, и целые полосы общественного и поэтического развития <...> Такое настроение понятно в эпохи колебаний и сомнений, когда назрел разлад между существующим и желаемым, когда ослабела вера в прочность общественного и религиозного уклада и сильнее ощущается жажда чего-то другого, лучшего» [3, с. 154].

Таким образом, наши наблюдения над тем, как представлена концептуальная зона «золото природы» в автобиографической тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба», позволяют прийти к следующим выводам.

Золото природы в прозе писателя выражает чувство лучезарного счастья и выступает «важным гармонизирующим фактором» [7, с. 110], часто определяющим цветовой строй изображения; оно оказывает влияние на формирование внешнего и внутреннего пространства жизни человека, «что соответствует двум функциям его реализации: миромоделирующей и психомоделирующей» [8, с. 8].

Золото сообщает торжественность важным моментам внутренней жизни лирического героя: «Все спутано, но все цветет, благоухает, сияет в искрах под солнцем, все радость и хвала Божия»; «вечная слава звезд и создания кипела над ним, переливалась лучами <...> Боже, какая же тайна, все тайна и загадка, и ночь эта, и он, вот на лыжах сейчас идущий под любимыми звездами, под любимого сердца напутствием, ничтожество перед Богом и все-таки — целый мир и сейчас весь дрожит, напряжен молодостью, творчеством, силой» [1, с. 388, 443].

Концепт «золото» как компонент художественного мира Б.К. Зайцева является выражением национальных культурных традиций и индивидуальных особенностей его творческой личности. Писатель не только использует значения лексемы «золото», закрепленные в словарях, но и существенно расширяет их; совокупность этих значений и составляет внутренний, скрытый смысл концепта «золото» в его автобиографической прозе.

Менталитет человека и сформировавший его душу ландшафт неразрывно связаны. Русский ландшафт — «природные константы шири, дали, простора, приволья», которые «определяют свойства характера и менталитета лирического героя» [9, с. 120], — играет особую роль в формировании менталитета героя и создаваемой автором национальной картины мира. В автобиографической тетралогии, как и в прозе первой волны эмиграции в целом, «природа раскрывается не только как место и фон сюжетного действия <...> но и как художественное пространство, моделирующее национальный образ мира. Анализ природного пространства позволяет выявить соотношенность духовного пространства персонажа с ландшафтом, регионально-географическим пространством, составляющим онтологическую основу формирования психологических, этнокультурных особенностей личности героя» [9, с. 132].

Основываясь на собственной биографии, «писатель стремится к эпической широте, к передаче ощущения царящих в воспроизводимой им жизни упорядоченности и спокойствия, стремится рассказать о пути человека к миру, к пониманию главных в жизни истин» [6, с. 345]; желание автора «что можно, удержать, зарисовать, ничего не пропуская из того, что было мило сердцу», облаченное в форму «романа-хроники-поэмы», объективирует роль памяти в «Путешествии Глеба».

Изучение концепта «золото» и его концептуальных зон актуализирует аксиологический аспект постижения художественного текста. Рассмотрение вопроса о подлинных и мнимых ценностях дает возможность более глубокого понимания автобиографической прозы писателя; позволяет сделать вывод о том, что в его мироощущении концепт «золото» репрезентирует силу живой любви к России, восхищение красотой Божьего мира: «Милая Россия, тихая, смиренная!», «И не было все же конца очарованию простодушной речки с лозьяком, полуплывущим в ней, медленно вьющимися, по течению, бархатно-зеленеющими подводными травами, скользящими как угри, со стайкою мелких гольцов под золотой рябью солнца. Да будет благословенно имя Господне!» [1, с. 390, 389].

Библиографический список

Источники

1. *Зайцев Б.* Собр. соч.: в 5 т. Т. 4: Путешествие Глеба: Автобиографическая тетралогия. М.: Рус. книга, 1999. 624 с.

Литература

2. *Веселовский А.Н.* Из истории эпитета // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. С. 59–75.

3. *Веселовский А.Н.* Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. М.: Высш. шк., 1989. С. 101–154.

4. *Громова А.В.* Растительные образы в прозе Л.Ф. Зурова: мифопоэтический аспект // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2014. № 2 (14). С. 16–23.

5. *Захарова В.Т.* Поэтика прозы Б.К. Зайцева: монография. Н. Новгород: Мининский ун-т, 2014. 166 с.

6. *Коковина Н.З., Степанова Н.С.* Метафизика пути как формы духовного восхождения в тетралогии Б.К. Зайцева «Путешествие Глеба» // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2011. № 6. С. 342–347.

7. *Серов Н.В.* Символика цвета. СПб.: Страта, 2018. 204 с.

8. *Смирнова А.И.* Локус дома в современной русской прозе // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2015. № 3 (19). С. 8–14.

9. *Смирнова А.И.* Природное пространство в русской литературе XX века: ландшафт и менталитет // Горизонты цивилизации. 2016. № 7. С. 120–135.

10. *Степанова Н.С.* Концепт «закат» в языковой картине мира Б.К. Зайцева (на материале тетралогии «Путешествие Глеба») // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Лингвистика и педагогика. 2017. № 1 (22). С. 30–39.

11. *Степанова Н.С.* Концепт «золото» в художественном мире И.С. Шмелева (на материале автобиографических книг «Лето Господне», «Богомолье») // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Лингвистика и педагогика. 2018. № 4 (29). С. 82–89.

Интернет-ресурсы

12. *Леванов И.* Солнечный импрессионизм [Электронный ресурс]. URL: <https://www.proza.ru/2010/06/28/685> (дата обращения: 22.02.2020).

References

Istochniki

1. *Zaycev B.* Sobr. soch.: v 5 t. T. 4: Puteshestvie Gleba: Avtobiograficheskaya tetralogiya. M.: Rus. kniga, 1999. 624 s.

Literatura

2. *Veselovskij A.N.* Iz istorii e'piteta // Veselovskij A.N. Istoricheskaya poe'tika. M.: Vy'ssh. shk., 1989. S. 59–75.

3. *Veselovskij A.N.* Psikhologicheskij parallelizm i ego formy' v otrazheniyax poe'ticheskogo stilya // Veselovskij A.N. Istoricheskaya poe'tika. M.: Vy'ssh. shk., 1989. S. 101–154.

4. *Gromova A.V.* Rastitel'ny'e obrazy' v proze L.F. Zurova: mifopoe'ticheskij aspekt // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2014. № 2 (14). S. 16–23.

5. *Zaxarova V.T.* Poe'tika prozy' B.K. Zajceva: monografiya. N. Novgorod: Mininskij un-t, 2014. 166 s.

6. *Kokovina N.Z., Stepanova N.S.* Metafizika puti kak formy' duxovnogo vossozhdeniya v tetralogii B.K. Zajceva «Puteshestvie Gleba» // Ucheny'e zapiski Rossijskogo gosudarstvennogo social'nogo universiteta. 2011. № 6. S. 342–347.

7. *Serov N.V.* Simvolika cveta. SPb.: Strata, 2018. 204 s.

8. *Smirnova A.I.* Lokus doma v sovremennoj russkoj proze // Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazy'ka. Yazy'kovoe obrazovanie. 2015. № 3 (19). S. 8–14.

9. *Smirnova A.I.* Prirodnoe prostranstvo v russkoj literature XX veka: landshaft i mentalitet // Gorizonty' civilizacii. 2016. № 7. S. 120–135.

10. *Stepanova N.S.* Koncept «zakat» v yazy'kovoj kartine mira B.K. Zajceva (na materiale tetralogii «Puteshestvie Gleba») // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i pedagogika. 2017. № 1 (22). S. 30–39.

11. *Stepanova N.S.* Koncept «zoloto» v xudozhestvennom mire I.S. Shmeleva (na materiale avtobiograficheskix knig «Leto Gospodne», «Bogomol'e») // Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Lingvistika i pedagogika. 2018. № 4 (29). S. 82–89.

Internet-resursy'

12. *Levanov I.* Solnechny'j impresionizm [E'lektronny'j resurs]. URL: <https://www.proza.ru/2010/06/28/685> (data obrashheniya: 22.02.2020).

N.S. Stepanova

«Gold of Nature» in B.K. Zaitsev's Autobiographical Tetralogy «Puteshestvie Gleba» («Gleb's Journey»): on True and False Values in the Artistic World of the Writer

The article regards lexical and semantic features of the conceptual zone «gold of nature» in B.K. Zaitsev's tetralogy «Puteshestvie Gleba» («Gleb's Journey»). Consideration of the issue of true and false values actualizes the axiological aspect of comprehending the literary text, which allows to conclude that the «gold of nature» in the writer's worldview represents admiration for the beauty of God's world, the power of vibrant love for Russia.

Keywords: B.K. Zaitsev; «Puteshestvie Gleba» («Gleb's Journey»); «gold of nature»; autobiographical prose; literature of the first wave of Russian emigration.